

Е.В. Пчелов

История государственной символики России: проблемы и направления исследований

Впервые опубликовано в: Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. Материалы XXI Международной научной конференции. Москва, 29–31 января 2009 г. / РГГУ, ИАИ, кафедра ИВИД. М., 2009. С. 17–30.

История государственных символов России стала в современной научной и околонаучной литературе популярной, если не сказать, модной темой. Способствует этому, конечно, повышенное внимание власти к пропаганде государственной символики среди населения, что воплощается в целом комплексе мероприятий, включая специальные уроки и даже предметные курсы в рамках средней общеобразовательной школы. Соответственно, и количество изданий, посвящённых истории государственных символов, в последние годы существенно возросло. Очень часто, к сожалению, авторами таких пособий становятся далёкие от науки люди, которые просто заимствуют материал друг у друга и не вносят ничего нового в ту тематику, о которой пишут (речь идёт даже не столько о собственно научном вкладе, сколько хотя бы о самой подаче материала или структуре изложения). На этом фоне заметны откровенно псевдонаучные сочинения, в которых делаются наукообразные попытки представить древние истоки отечественной эмблематики, якобы, уходящие чуть ли не в доисторические времена (книги А.Г. Силаева). Также вне науки находятся и многочисленные откровенно популистские книги, всё содержание которых заимствуется никому неизвестными авторами (которые, впрочем, получают, по всей видимости, немалые гонорары) с интернет-сайтов (такие, чисто паразитарные издания, как правило, выходят в виде различных словарей или энциклопедий символов и эмблем, притом, что настоящего научного словаря символов мировой культуры на русском языке до сих пор нет). Неуклюжие попытки пофантазировать на темы тех или иных государственных символов происходят и в современном кинематографе (например, откровенно анти-исторический фильм «1612» с мотивом единорога). Вся эта «символическая мишура» разворачивается на фоне острого недостатка действительно серьёзных научных исследований истории государственных символов России. Хотя в этой области есть целый ряд глубоких и принципиально важных исследований (Г.В. Вилинбахова, А.Л. Хорошкевич, Б.И. Колоницкого, Л.Е. Шепелёва, Н.А. Соболевой и др.), в последние годы очевидна тенденция некоторого «топтания на месте». Между тем перспективы получения новой исторической информации, не говоря уже об её анализе (в том числе и анализе имеющегося, не вполне ещё научно осмысленного материала), далеко не исчерпаны. И здесь необходимо остановиться на нескольких проблемах, которые, на мой взгляд, носят принципиальный для этой темы характер.

Во-первых, это комплексный характер источниковой базы и соответствующий полидисциплинарный подход при исследовании истории государственных символов (как и вообще исторической символики в целом). Изображения государственных символов и информация о них содержатся не только в разных по видовой принадлежности письменных источниках, но и в источниках иных типов: изобразительных и вещественных. Традиционные письменные источники, на которых собственно и основывалась историческая наука в прошлом, в данной области могут иметь решающее значение лишь для относительно поздних периодов истории. Государственная символика России в части гербовых изображений, как известно, восходит к концу XV в., в части флага – к концу XVII в., а в части гимна – к первой половине XIX в. Между тем, первое упоминание в письменных источниках (в составе летописного текста) о создании новой государственной печати относится к началу 1561 г., а первое подробное описание

изображения на печати, названного гербом, – к 1667 г. В более поздние периоды число законодательных и других письменных источников по государственной символике возрастает. В то же время различные эмблемы, носившие династический и лично-княжеский характер, известны в русской культуре ещё со времён Древней Руси. Между тем, даже при наличии текстуальных описаний символики, её визуальная презентация остаётся чрезвычайно существенной. Гербы являются, прежде всего, изобразительными источниками, а потому их изображения не могут быть заменены только словесным описанием. То же относится и к государственному флагу (бело-сине-красному), ранний период истории которого реконструируется не столько по письменным, сколько по изобразительным источникам. Такая ограниченность письменных источников и невозможность воссоздать относительно полную картину истории государственной символики лишь на их основе чрезвычайно повышает значимость вещественных и изобразительных памятников, хранящихся, в первую очередь, в музеях, а также в некоторых архивах и библиотеках. Традиционно, со времён А.Б. Лакиера, считается, что основным источником по истории государственной геральдики являются изображения герба на государственных печатях. Но, помимо сфрагистики, очень большой материал в распоряжение исследователя могут предоставить также памятники нумизматики, фалеристики, вексиллологии и других «вспомогательных исторических дисциплин» (на самом деле являющихся фундаментальными гуманитарными науками). К сожалению, далеко не всегда в работах по истории государственных символов данные этих наук привлекаются к исследованию, и уж совсем редки труды, которые бы полноценно учитывали и взаимно соотносили эволюцию государственной символики в сфрагистике и, например, в нумизматике или других, вышеназванных областях. Изучение истории государственной символики должно, безусловно, носить комплексный, полидисциплинарный характер, опираться на научный опыт различных исторических дисциплин, а не ограничиваться лишь какой-то одной из них или делать одну науку (сфрагистику, к примеру) центральной. И здесь возникает задача введения в активный научный, геральдический оборот как можно более репрезентативной источниковой базы из музейных коллекций. Причём, это касается не только таких традиционных для геральдики и эмблематики источников, как монеты, медали, печати, знамёна и флаги, но и самых разнообразных вещественных источников вообще.

К счастью, в области нумизматики в плане публикации каталогов собраний и каталогов монет по отдельным периодам и даже отдельным темам сделано очень много. Существует целый ряд фундаментальных трудов, которые являются главными «путеводными маяками» для дальнейших исследований. По монетам древнейшего периода (конца X – первой половины XI в.) это книги И.Г. Спасского и М.П. Сотниковой (последнее по времени издание: *Сотникова М.П.* Древнейшие русские монеты X – XI веков. М., 1995), по монетам удельного времени (с возобновления чеканки в конце XIV в. до царского периода) классической остаётся работа А.В. Орешникова, недавно переизданная (*Орешников А.В.* Русские монеты до 1547 года и материалы к русской нумизматике доцарского периода. М., 2006), большое значение для исследования эмблематики монет того же времени имеет труд А.В. Чернецова, изданный на английском языке (*Chernetsov A.V.* Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries: An iconographic study. Oxford, 1983), по монетам царского периода – работы А.С. Мельниковой (*Мельникова А.С.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. История русской денежной системы с 1533 по 1682 год. М., 1989), императорского времени – В.В. Узденикова (*Уздеников В.В.* Монеты России. 1700–1917 гг. М., 1985), разумеется, я называю только самые основные книги. Особое значение имеют работы, рассматривающие геральдическое оформление русских монет, примером чего может служить монография В.В. Узденикова «Геральдическое оформление российских монет 1700–1917 гг.» (М., 1998). Есть целый круг значительных работ по знамёнам и наградам (орденам и медалям), основанных также на материалах музейных собраний. Из

историографии недавнего времени нужно упомянуть книги Г.В. Вилинбахова «Русские знамёна» (СПб., 2005) и «Награды России. Ордена» (СПб., 2006) (не говорю здесь о собственно геральдических трудах). Судьбоносную роль в истории русской научной фалеристики сыграл фундаментальный труд И.Г. Спасского «Русские и иностранные ордена до 1917 года» (Л., 1963), не утративший своего значения и поныне. Собрания московских музеев (прежде всего, ГИМ) нашли отражение в работах и каталогах, созданных В.А. Дуровым (в том числе посвящённых истории отдельных орденов), С.С. Левиным и др. По эскибрисам, несущим изображения, включающие государственный герб, важным пособием может служить работа В.В. Худолея «Книжные знаки и семья Романовых» (СПб., 2003).

На этом фоне, со времён Н.П. Лихачёва, значительно скромнее выглядит корпус опубликованных сфрагистических источников. Конечно, выдающееся значение для русской сфрагистики раннего периода имеет трёхтомная публикация В.Л. Янина (третий том совм. с П.Г. Гайдуковым) «Актовые печати Древней Руси X – XV вв.» (М., 1970 и 1999). Но всё же такие публикации, как, например, каталог византийских императорских печатей из собрания Эрмитажа (*Соколова И.В. Печати византийских императоров. Каталог коллекции Эрмитажа. СПб., 2007*), пока редкость, а ведь именно сфрагистика может дать наиболее важный материал для детального исследования истории государственной геральдики. В наших музеях хранятся уникальные коллекции русских печатей, в том числе и печатей государственных (собрания музея «Московский Кремль», ГИМ и др.), но они мало изучены и ещё ждут своей публикации. Если мы посмотрим на научную литературу, использующую данные русской сфрагистики позднего Средневековья и последующих периодов, то увидим, что во многом она продолжает опираться на те наблюдения и выводы, которые были сделаны ещё в XIX в. Труды А.Б. Лакиера («Русская геральдика». СПб., 1855), П.И. Иванова («Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции». М., 1858), альбом, изданный бар. Ф.А. Бюлером («Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц». Вып. 1. М., 1882; на основе собрания Московского Главного архива Министерства иностранных дел, издание было подготовлено кн. М.А. Оболенским), не просто остаются историографическим источником, но и воспринимаются в качестве актуального источникового материала, несмотря на то, что прорисовки печатей, сделанные в XIX в., в этих и других публикациях того же времени в очень многих случаях не точны и даже откровенно ошибочны. Яркий пример – воспроизведение знаменитой Большой государственной печати Ивана Грозного конца 1570-х гг. в виде прорисовки: прорисовка лицевой стороны из издания Лакиера 1855 г. более правильна, чем более поздняя прорисовка из издания Бюлера 1882 г., хотя и она не вполне точно передаёт оригинал. В таких случаях может помочь только тщательная публикация оригинала, так, чтобы можно было его рассмотреть в деталях. В противном случае, выводы, сделанные на основе прорисовок, могут быть некорректными. Между тем, старые прорисовки и воспроизведения, даже очевидно неточные, продолжают служить «исходным» источниковым материалом и для современных исследователей. Показательный пример тому – книга Н.А. Соболевой «Русские печати» (М., 1991), где фотографическое воспроизведение ряда печатей (к сожалению, очень низкого качества) приводится параллельно прорисовкам из издания Иванова 1858 г., которые не дают об этих печатях адекватного представления. Столь же, увы, неточен и опубликованный в той же книге каталог печатей Северо-Восточной Руси XIV–нач. XVI вв., в котором сохранившиеся экземпляры печатей никак не отделены от печатей, известных только по описаниям документов. Так, знаменитая вислая красновосковская двусторонняя печать Ивана III 1490-х гг. (самый ранний сохранившийся оттиск – при документе 1497 г.), с которой собственно и началась история русского государственного герба, сохранилась не в семи экземплярах, как следует из каталога Н.А. Соболевой, а только в трёх, причём

сделаны оттиски разными матрицами. Точность при воспроизведении и анализе источника, в данном случае, сфрагистического, совершенно необходима, поскольку в гербе важно не только общее «смысловое ядро», но также и детали, которые могут быть значимы для того времени и казаться незначимыми для современного исследователя. Ведь, подходя к анализу эмблематического изображения, мы не можем сразу сказать наверняка, какие детали и особенности изображения (применительно к орлу, например, положение крыльев, открытость клювов, особенности изображений корон и т.д.) несут существенную семантическую нагрузку, а какие нет – это выясняется лишь в ходе самого исследования. Пренебрежение деталями может оказать плохую услугу учёному, а внимание к ним, напротив, позволяет выдвинуть порой совершенно новые и оригинальные гипотезы, источниковедчески оправданные, как, например, гипотеза А.Л. Юрганова о семантике символа всадника, поражающего змия, в конце XV в. (см. очерк в кн.: *Юрганов А.Л.* Категории русской средневековой культуры. М., 1998). Вышеописанное положение русской сфрагистики наглядно демонстрирует пример упомянутой печати 1497 г., которая была опубликована и детально исследована на современном научном уровне только в 2005 г. (!) (*Агоштон М.* Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005). До этого в научной литературе фигурировали, большей частью, недостоверные воспроизведения как самой печати, так и её эмблем и легенды. Работа М. Агоштон вообще представляет собой замечательный пример глубокого и всестороннего комплексного источниковедческого исследования, выполненного на полидисциплинарном уровне, когда источник характеризуется и анализируется всесторонне – с точки зрения его и вещественной, и изобразительной, и письменной (легенда печати) природы. Таким образом, проблема адекватного воспроизведения и тщательного описания вещественных источников остаётся для отечественной историографии крайне актуальной. Роль источниковедения в целом, и особенно источниковедения вещественных источников, оказывается при этом принципиально важной.

Отсутствие во многих случаях современных научных публикаций памятников и каталогов, а также сама неочерченность, неопределённость круга источников порождают порой удивительную легковесность суждений и выводов в геральдической историографии. Особенно это заметно в тех случаях, когда исследователи пытаются выявить эмблематические прототипы тех или иных геральдических изображений, например, двуглавого орла, московского всадника или даже решить проблему происхождения и семантики знаков Рюриковичей. Многие из суждений по этим вопросам зачастую не имеют под собой надёжной, доказательной источниковой базы. Тщательный анализ конкретного материала и выявления семантики таких, во многом универсальных для мировой культуры, эмблем (как и их многочисленных разновидностей) в разных культурных традициях и в разные эпохи заменяется зачастую наивным объединением внешне схожих изображений в единый семантический контекст без различия этих культур, эпох и стилей. То, что тот же двуглавый орёл существовал, к примеру, у хеттов, арабов, византийцев, ордынцев и т.д., свидетельствует лишь о широкой распространённости эмблемы как таковой, а также, возможно, и об определённых культурных влияниях и заимствованиях (конкретные пути которых, по большей части, остаются неясными), но совершенно не объясняет смысловой сущности этой эмблемы, к примеру, в русской культуре конца XV в., ведь сама семантика символа необязательно была одинаковой или схожей во всех культурах. Двуглавый орёл, первые изображения которого встречаются в Хеттском царстве (XIII в. до н.э., рельеф Язылы-Кая близ Богазкёя), – лишь в самом отдалённом смысле эмблематический прототип своего русского «собрата». Семантика же здесь совершенно различна. На хеттском рельефе двуглавый орёл, по-видимому, символизировал божественных близнецов. Кроме того, существенным моментом является такая особенность как зайцы в когтях орла. Вообще орёл, «когтящий» зайца, – значимый образ для ритуалов хеттской культуры. В недавно открытом

древнехеттском тексте о загробном путешествии души (интересном, прежде всего, с точки зрения столь ранних представлений о душе) орёл с зайцем в когтях занимает своё место в образно-символическом строе этого рассказа. Понятно, что семантика хеттского двуглавого орла ничего общего с семантикой русского орла не имеет (различны и сами особенности изображений). Столь же наивны попытки объединить изображения всадников на русских монетах и печатях XIII – XV вв. только по принципу изображения сидящих на конях людей (на что обращал внимание В.А. Кучкин в своей работе «Происхождение русского двуглавого орла». (М., 1999. С. 7)). В недавней работе Н.А. Соболевой о знаках Рюриковичей (см.: *Соболева Н.А. Очерки истории российской символики. От тамги до символов государственного суверенитета.* М., 2006) подобного рода подход применён к анализу древнерусских лично-родовых знаков – двузубцев и трезубцев, эмблематические аналоги которых исследовательница находит в самых разных культурах. Непонятно только, насколько это помогает прояснить историю и семантику самих древнерусских знаков. То, что двузубцы и трезубцы можно, наверное, найти и у аборигенов Австралии, вряд ли способствует прояснению вопроса об их эмблематике в древнерусской культуре (для исследования этой темы наиболее важными работами в историографии последних лет являются труды А.А. Молчанова и С.В. Белецкого). Абсолютно лишено какого бы то ни было доказательства и широко известное утверждение о том, что, якобы, наиболее семантически значимым в русской культуре был красный цвет (что служит идеологическим оправданием красного флага или знамени). Между тем, даже поверхностный анализ символической иерархии цветов русской культуры XVI – XVII вв. показывает, что наиболее высокое место в ней занимал скорее цвет золотой, а красный стоял на втором месте. Исследования Р.А. Симонова о цвете знамени Дмитрия Донского на Куликовом поле лишний раз продемонстрировали ещё не до конца использованный потенциал ряда источников и саму сложность данной проблемы. А ведь применительно к символическим изображениям, особенно «транскультурного» характера, важно определить их семантику в разных культурах, как-то классифицировать изобразительные признаки, понять, как воспринимали эмблему в период её активного бытования и после, как это восприятие отличалось «внутри» культуры и «вне» её, собрать, наконец, как можно более репрезентативный источниковый материал, в том числе и «на уровне» изображений, а не выхватывать из контекста внешне схожие, да и то приблизительно, эмблемы и на основании этого сходства так или иначе трактовать их историю. Работы, в которых хотя бы задаются подобные вопросы, в нашей геральдической историографии, увы, всё ещё редки. И здесь принципиальную роль могут сыграть музейные коллекции, хранящие порой совершенно бесценные для истории государственной символики источники.

Приведу только один пример. Обратимся к ранней русской земельной геральдике, изображения гербов которой входили в контекст геральдики государственной, так как отражали объектный (или территориальный, владетельный) титул русских государей. Со времён А.Б. Лакиера определён тот круг памятников, который имеет соответствующие геральдические изображения. Это уже упоминавшаяся Большая государственная печать Ивана Грозного, саадачный покровец «большого наряда» Михаила Фёдоровича (иногда неверно понимаемый как завес спинки трона), гербовное знамя Алексея Михайловича, «Титулярник» 1672 г. (сохранился в пяти разных экземплярах, недавно РГАДА было осуществлено его новое издание), «геральдическая» тарель Ю. Фробоса 1675 г. и рисунок государственной печати (в реальности, по крайней мере ныне, не существующей) из дневника И.-Г. Корба. Из этих *шести* памятников три хранятся в музейной коллекции Оружейной палаты. Этот комплекс и упоминается обычно во всех работах, где затрагивается предыстория русской земельной и городской геральдики. За полтора века развития историографии он так и остался совершенно неизменным, хотя, кстати говоря, детального анализа изображений эмблем на вышеназванных источниках до сих пор сделано не было. Между тем, есть ещё, по крайней мере, *четыре* памятника XVII в., также

несущих изображения территориальных эмблем. Это доспехи Лжедмитрия I из собрания ГИМ, второй саадочный покровец из коллекции Оружейной палаты, саадак мастера Прокофия Андреева 1673 г. и тарель царевича Алексея Петровича 1694 г., также хранящиеся в Оружейной палате. Не приходится говорить, что без включения этих предметов в научный геральдический оборот невозможно со сколько-нибудь допустимой полнотой представить историю ранней русской геральдики.

То же относится и ко многим другим музейным предметам, особенно несущим изображения различных символов, так или иначе связанных с эмблематическим пространством государственной символики. Такие эмблемы как единорог, лев, грифон, одноглавый орёл, встречающиеся на вещах «регального» уровня, также нуждаются в глубоком и детальном исследовании. Что, например, означает эмблематическая пара лев и единорог в русской культуре, или какова семантика символов четырёх животных с регалиями в лапах, расположенных вокруг двуглавого орла на налуче саадака Большого наряда царя Михала Фёдоровича – все эти вопросы неизбежно встают перед исследователем государственных символов. И здесь, к сожалению, во многих случаях письменные источники бессильны дать на них ответ. Остаётся одно – путём тщательного источниковедческого анализа раскрыть информационный потенциал вещественных исторических источников. Именно эта источниковедческая задача наиболее актуальна для исследования музейных памятников. К сожалению, вещественное источниковедение в нашей науке развито слабее, чем источниковедение письменных источников. Однако в музейной практике накоплен колоссальный опыт аналитической работы с такими источниками, который должен быть актуализирован в источниковедческом ключе. Изучение даже широко известных памятников, с устоявшейся, традиционной атрибуцией может дать совершенно новый материал для истории государственной символики. В этом отношении особенно интересны новаторские работы ряда сотрудников музея «Московский Кремль» – И.А. Бобровницкой, М.В. Мартыновой, Ю.Н. Звездиной и др., которые предлагают совершенно новые интерпретации, казалось бы, традиционно известных, хрестоматийных вещей. Один из примеров – знаменитый костяной трон Ивана Грозного. В письменных источниках не сохранилось никаких упоминаний о его происхождении, но традиция приписывает время его создания эпохе Ивана Грозного (ранее она связывала этот трон даже с Софьей Палеолог). Трон интересен не только своими «предметными» особенностями, отсылающими к библейскому прототипу – трону царя Соломона, но и интересным геральдическим оформлением. Спинку трона украшают резные костяные пластины с изображением двуглавого орла, совершенно не характерного для XVI в., а по сторонам размещены изображения единорога и льва. Изображения этих зверей даже давали некоторым исследователям основания для рассуждений о генезисе и бытовании данных эмблем в культуре допетровской Руси. Однако не так давно И.А. Бобровницкая вполне убедительно показала, что трон следует датировать скорее началом XVII, нежели XVI веком. А пластины с государственными символами вообще появились на нём только в XIX в., возможно, в период подготовки коронации Александра II (трон использовался как «действующая» вещь вплоть до коронации 1896 г., где он выполнял функции трона для императрицы Александры Фёдоровны). В одном из ранних каталогов Оружейной палаты спинку трона украшает пластина вовсе не с двуглавым орлом, а с Дианой (?), сидящей на лани. Такие интереснейшие исследования чрезвычайно ценны и в плане изучения выдающихся музейных экспонатов и в контексте истории государственной символики России. Но, к сожалению, далеко не всегда научные атрибуции и глубокие источниковедческие штудии сопровождают историографию этой масштабной темы. Наряду с серьёзными исследованиями, появляется масса псевдонаучной макулатуры, не заслуживающей внимания, но порой обретающей популярность. Наряду с этим, даже профессиональные историки допускают совершенно произвольные суждения, зачастую политически ангажированные. Так, казанская исследовательница Г.Ф. Валева-Сулейманова публикует статьи под броскими названиями, типа «Татарские

шапки – короны русских царей», доказательный уровень которых крайне сомнителен (эта печальная тенденция вообще стала характерной чертой некоторых «национальных» историографий – фальшивый юбилей Казани был основан на единичной, весьма сомнительной нумизматической находке (см. работу Т.Ю. Стукаловой по этому поводу)). Можно подумать, что описанные проблемы характерны только для ранних периодов истории государственной символики, но вышесказанное актуально и для нового времени и для XX века. Недавно, например, была возрождена гипотеза о том, что автором первого советского герба (на печати советского правительства) был не кто иной, как С.В. Чехонин. Эта гипотеза, очень слабо аргументированная, стала уже некоторыми музейными работниками восприниматься как вполне достоверная, хотя Чехонин владел столь ярким и оригинальным художественным стилем, что работы, им созданные, невозможно спутать ни с какими другими. Он принимал участие в создании проектов советского герба, но его проект был совершенно отличным от того, что получилось «в результате». Отмечу лишь, что для выполнения «стандартного», в значительной степени формализованного изображения скорее подходил вполне «рядовой» мастер «средней руки» (такой, каким был, к примеру, А.Н. Лео), а не обладавший ярким индивидуальным художественным почерком Чехонин.

Столь же важны изображения государственных символов на различных предметах самого разного характера и назначения. Собрание и анализ таких изображений могут дать исследователю очень важную информацию, например, о пространстве бытования тех или иных символов. Изображения двуглавого орла, всадника-драконоборца, льва и единорога на предметах народной культуры – например, предметах быта, в архитектурном декоре, на вышивках и т.д. — могут показать степень распространения и особенности восприятия государственной символики в народной среде, выявить стилистику изображений на различных вещах. Вариативность этих изображений может быть весьма значительной – здесь необходимо учитывать и определённые изобразительные традиции, и, в случае авторских вещей, индивидуальную манеру создателя. Сама специфика изображений может помочь пониманию восприятия российской государственной символики в другой политической культуре. Так, например, среди дипломатических подарков царю Алексею Михайловичу от голландского посольства 1648 г. имеются кувшины, блюда-рассольники и настенные светильники (блэкеры), украшенные изображениями российских государственных орлов. Это орлы с опущенными крыльями, двумя коронами над головами, Степенным крестом между головами, без регалий в лапах, с ездоком на груди (обращённым вправо от зрителя), а форма самого щитка с ездоком аналогична форме соответствующих щитков на государственных печатях, начиная с эпохи Ивана Грозного. Между тем, уже с 1625 г. изображение российского государственного герба на русских печатях изменилось – над головами орла вместо Голгофского креста стала изображаться третья, большая по размеру корона, символизирующая титул «самодержец». Изображения же гербов на посольских дарах продолжали прежнюю геральдическую традицию и «запаздывали» по отношению к происшедшим изменениям. Было ли это следствием «неоперативного реагирования» на развитие государственной символики или свидетельствовало о признании лишь устоявшегося эмблематического варианта – пока вопрос. Детальное исследование геральдических изображений на иностранных вещах, возможно, позволит найти на него ответ.

Итак, выявление, описание, научная публикация и источниковедческое исследование музейных предметов, имеющих значение для истории государственной символики России – одно из важных направлений, которое имеет принципиальный характер для серьёзной и глубокой разработки этой тематики. Применение и совершенствование методов вещественного и комплексного источниковедения, публикация и введение в научный оборот музейных коллекций, наконец, детальный анализ богатейшего и разнообразного изобразительного материала – вот путь, на котором можно ожидать в этой области новых результатов.

